

К 60-летию ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

© 1996 г., ЭО, № 6

М. А. И т и н а, Л. М. Л е в и н а,
Е. Е. Н е р а з и к, Ю. А. Р а п о р т

К 60-летию ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1997 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция — одно из подразделений Института этнологии и антропологии РАН — будет отмечать свой 60-летний юбилей. С начала ее организации в 1937 г. экспедицию возглавил и являлся ее бессменным руководителем в течение многих лет С. П. Толстов, автор и вдохновитель крупнейших открытий на территории древнего Хорезма. Ученый широкой научной эрудиции и интуиции, яркого таланта, последователь школы Д. Н. Анучина, он опирался в своих исследованиях на данные разнообразных источников — археологии, антропологии, лингвистики и других смежных дисциплин.

Хорезм находится в Южном Приаралье, в дельте Амударьи, являясь частью современной аридной зоны Средней Азии. Пустыня способствовала прекрасной сохранности археологических памятников, не потерявших свой первоначальный облик вплоть до наших дней. Они оставляют неизгладимое впечатление, которое лучше всего выразить словами С. П. Толстова: «...перед нами открылась грандиозная, незабываемая панорама древнего, покоренного пустыней Хорезма... Впереди нас, разливаясь необозримым морем на запад, восток и север, лежали мертвые пески. Лишь далеко на северном горизонте сквозь дымку дали рисовался голубоватый силуэт Султан-Уиздагских гор. И повсюду среди застывших волн барханов то густыми скоплениями, то одинокими островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов»¹.

Еще в 1929 г., будучи в Хорезме с задачами этнографического плана, С. П. Толстов по достоинству оценил перспективы исследования этого района, направив туда впоследствии (в 1937 г.) своего аспиранта А. И. Тереножкина. Обследование им большого раннесредневекового Беркут-калинского оазиса и ряда иных памятников и явилось началом систематических полевых работ Хорезмской экспедиции.

В довоенные годы пешие и автомобильные маршруты тогда еще очень небольшого коллектива охватили всю территорию Хорезма. Начались и стационарные работы: раскопкам подверглись такие памятники, как раннесредневековый замок Тешик-кала (VI—VIII вв. н. э.), укрепленная усадьба Аяз-кала-3 и дом в поселении возле нее (первых вв. н. э.), неолитическая стоянка Джанбас-кала-4 и некоторые другие. Результаты этих работ были обобщены в знаменитой монографии С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948), где была предложена периодизация истории Хорезма от эпохи первобытности до XIV в., а в экскурсах поднимался и разрабатывался широкий круг проблем, связанных с общественным строем, религией, прочими важнейшими аспектами истории и культуры древнего Востока. Все это выходило за рамки собственно Хорезма. Важно отметить, что многие из выводов, сделанных в книге, не потеряли своего значения и доныне, определив, в частности, дальнейшие направления работ Хорезмской экспедиции.

С. П. Толстов поставил перед ней ряд очень крупных проблем: изучение истории древних русел Аму- и Сырдарьи, истории заселения данных областей; углубление и расширение характеристики отдельных периодов истории и культу-

ры страны в рамках имеющейся периодизации; исследование общественного строя древних хорезмийцев — кочевников и полукочевников, соседствовавших с Хорезмским оазисом. Очень важным, сквозным для всех этих эпох был признан этнический аспект исследований.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции развернулись на новой методической основе и приняла большой размах — она стала одной из самых крупных и наиболее технически оснащенных археологических экспедиций в нашей стране. Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С. П. Толстов реорганизовал экспедицию в археолого-этнографическую². Участие в ее работах помимо археологов и этнографов, геологов, геоморфологов, почвоведов, географов, антропологов, применение в широких масштабах (впервые в мировой практике) аэрометодов³ — все это позволило расширить круг проблем, стоящих перед экспедицией, увеличить число возможных аспектов их решения.

За годы экспедиционных исследований вырос большой коллектив квалифицированных специалистов, впервые приехавших на раскопки в качестве студентов-практикантов и на всю жизнь связавших свою судьбу с экспедицией. Это обеспечило возможность вести работы в широких тематических и хронологических границах. Теперь ведутся разведки и раскопки на огромной территории, включавшей некогда не только Хорезм, но и земли низовий Сырдарьи, а также прилегающие к древним оазисам районы пустынь Кызылкумы и Каракумы.

Масштабы работ, количество и различный профиль подготовки сотрудников позволили в иные годы иметь до восьми полевых отрядов, работавших одновременно. Каждый из них исследовал памятник, являвшийся ключевым в своем роде для того или иного периода истории древнего Хорезма и соседних районов, в дополнение проводились маршрутные исследования больших территорий. Но теперь периодизация, созданная С. П. Толстовым, получала все большую детализацию, причем хорезмийская проблематика неизбежно затрагивала проблемы истории Средней Азии в целом, подчас далеко выходя за ее рамки. Это, в частности, касается первобытной эпохи. Те, кто участвовал в ежегодных среднеазиатских совещаниях послевоенных лет, наверное, помнит, что в их резолюциях постоянно отмечалась неисследованность памятников первобытной эпохи на севере Средней Азии. И именно тот широкий подход к изучению древних дельтовых равнин Аму- и Сырдарьи, который осуществляла Хорезмская экспедиция, с использованием данных аэрофотосъемки, проведением маршрутов по Узбою и протокам древней Акчадарьинской дельты Амударьи и привел к открытию памятников эпохи неолита и бронзы в этих районах. Собственно говоря, кельтеминарскую культуру неолита открыл С. П. Толстов еще в довоенный период: была обнаружена стоянка Джанбас-кала-4 на территории южной Акчадарьинской дельты, а послевоенные работы на широкой территории, включавшей древние дельты Амударьи, Узбоя, низовьев Сырдарьи и Внутренние Кызылкумы, позволили установить заселенность неолитическими охотниками и скотоводами дельтовых районов и районов бессточных впадин. Эти племена входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность⁴. Исследования в данной области велись А. В. Виноградовым (с участием Э. Д. Мамедова), причем особый интерес представляет открытие и раскопки стоянки Джанбас-13 (получившей название стоянки С. П. Толстова). Там сохранились остатки сгоревших жилищ каркасно-столбовой конструкции, лепная посуда, костяные гарпуны для ловли рыбы и микролитическая кремневая пластинчатая индустрия. По-видимому, материалы данной стоянки могут служить своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии. Трудно переоценить и открытие неолитического могильника Тумек-кичиджик в южной части Присарыкамышской дельты Амударьи, предположительно отнесенного к кругу поздних памятников кельтеминарского типа (вторая половина III тыс. до н. э.). Краниологический материал из раскопок этого могильника характеризует антропологический тип населения данной эпохи, в котором присутствуют (по заключению Т. А. Трофимовой) как

северный, так и южный компоненты. Северный, имевший единые постмезолитические корни с восточноевропейским населением, принадлежит коренному местному населению. Южный, восточномедиземноморский, обязан своим происхождением контактам с обитателями южных областей Средней Азии. Последние выявляются и археологически наличием в кельтеминарских комплексах сосудов с поверхностью, окрашенной желтой или красной охрой, а так же сосудов с трубчатым носиком⁵.

История дальнейшего освоения южной дельты Акчадарьи связана уже с эпохой бронзы (середина II — середина I тысячелетия до н. э.). Развернувшиеся здесь с начала 50-х годов комплексные археолого-геоморфологические работы, сопровождавшиеся специальной крупномасштабной аэрофотосъемкой и дешифровкой ее результатов на местности, привели к выявлению систем расселения человека на боковых протоках дельты. Теперь уже речь шла не о подъемном материале, как раньше, в период написания «Древнего Хорезма», а о множестве поселений тазабагыбской культуры с жилищами в виде полуземлянок каркасно-столбовой конструкции и с сохранившимся культурным слоем. Тазабагыбская культура, как и неолитическая кельтеминарская, также была выделена С. П. Толстовым в довоенные годы по подъемному материалу. Тогда он справедливо увидел в ней черты, в целом сближавшие ее со срубной и андроновской культурами. Теперь, если принять во внимание раскопанные стоянки с культурным слоем и к этому добавить открытие могильника Кокча-3, принадлежавшего той же эпохе, то бронзовый век Южного Приаралья обретает зримые черты, а памятники его становятся в ряд культур степной бронзы Евразии. Одним из важнейших результатов широкомасштабных послевоенных исследований явилось также открытие в Правобережном Хорезме очага орошаемого земледелия эпохи бронзы. И если этот вид производящего хозяйства, сочетающегося с пастушеским, и затем, в эпоху поздней бронзы (амирабадская культура), — с отгонным скотоводством, совершенствовался уже на местной основе, то его возникновению и первичным навыкам ведения хозяйства носители тазабагыбской культуры обязаны импульсу с юга. Анализ полученных сведений привел к ряду важных выводов. Удалось установить, что со II тыс. до н. э., особенно во второй его половине, в степях Евразии происходили сложные этнические процессы, связанные с миграциями подвижных скотоводов — носителей культур степной бронзы. Увеличение поголовья скота, распространение лошади и колесного транспорта, поиски новых пастбищ, рост избыточного продукта и в связи с этим возрастающее стремление к обмену, развитие металлургии бронзы при наличии именно в северном степном регионе источников сырья — меди и олова — все эти факторы способствовали активизации внутриформационных и внеформационных контактов. Контакты севера с югом Средней Азии, где в это время уже существовали очаги протогородской цивилизации, приобретали активный характер, ибо потребность скотоводов в продуктах земледелия и высокоразвитого ремесла в южных земледельческих оазисах была важным экономическим стимулом, делавшим их общество менее самодавляющим. Эти многоплановые контакты в значительной мере определили и характер этногенетических процессов в Средней Азии во II — начале I тыс. до н. э.: с одной стороны, это были этнокультурные связи южных земледельческих областей между собой и с миром цивилизаций юга Азии, а с другой — постоянное и все возрастающее влияние южных цивилизаций на северную степную периферию, которое способствовало росту производительных сил в этих экономически отсталых обществах и вело к постепенному сглаживанию различий в экономике и к социальной интеграции севера и юга⁶.

Говоря о южных связях, нельзя не упомянуть об еще одном важном открытии — памятнике эпохи средней бронзы (X—VIII вв. до н. э.) на южном протоке древней дельты Сырдарьи в Казахстане — могильнике Северный Тагискен. Обнаруженные там курганы скрывали развалины сложных по конструкции мавзолеев, построенных из сырцового кирпича. Несомненно южные связи, обнаруживаемые при исследовании мавзолеев, хотя прослеживаются и северные связи⁷. Появление

такого памятника в древней дельте Сырдарьи требует объяснений, пока, к сожалению, еще остающихся в области гипотез.

Как в первобытную эпоху, так и в последующие исторические периоды жизнь человека в регионах, исследуемых Хорезмской экспедицией, зависела от обводненности амударьинских и сырдарьинских русел, а позднее и от совершенства и состояния систем искусственного орошения. История древней ирригации еще в предвоенные годы привлекла внимание С. П. Толстова⁸, а в 50-х годах она стала направляющей темой маршрутных исследований сотрудников экспедиции и ученых, участвовавших в ее работах (в первую очередь надо отметить исследования академика А. Г. Гулямова и Б. В. Андрианова)⁹.

Некоторые из решений научных проблем, предложенные С. П. Толстовым и сотрудниками экспедиции, не получили всеобщего признания и остаются дискуссионными, но, как правило, постановка и разработка их были пионерскими в науке. В качестве примера можно упомянуть и «проблему Узбоя». Следует отметить неизменную научную ценность коллективной монографии «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», в которой сопоставление геоморфологических и археологических материалов позволило установить последовательность периодов обводнения Акча-Дарьи, Сарыкамышской дельты, Сарыкамышского озера и Узбоя — протока, вытекавшего из озера при его переполнении. Тем самым были предложены принципиально новые материалы для решения проблемы впадения Амударьи в Каспийское море. С XVIII в. эта тема являлась предметом споров русских и зарубежных ученых — геологов, географов и историков. К концу 30-х годов полевыми исследованиями И. П. Герасимова, Б. А. Федоровича, А. С. Кесь и др. было доказано, что Узбой по своим размерам никогда не мог быть главным руслом Амударьи, однако вопрос о периодах стока части ее вод из Сарыкамышского озера оставался открытым. Книга вышла в 1960 г. как 3-й выпуск Материалов Хорезмской экспедиции. В монографии был сделан вывод и о том, что если в неолите по руслу Узбоя шел постоянный сток, то в бронзовом веке течение стало прерывистым и маловодным. С начала I тыс. до н. э. оно прекратилось, хотя в долине и остались отдельные пресноводные озера. В то же время было подчеркнуто, что иногда, особенно в периоды, когда военные катаклизмы нарушали нормальное функционирование оросительных систем Хорезма, в Сарыкамышской котловине возникало огромное озеро. Если же, несмотря на колоссальное испарение, его зеркало поднималось выше отметки 52—53 м над уровнем океана, возобновлялся сброс вод в Узбой.

Как предположил С. П. Толстов, такое явление произошло на рубеже IV и V вв., в период хионито-сасанидских войн. Археологическим свидетельством этого была признана единственная на всем Узбое крепость Игды-кала. Она была открыта Хорезмской экспедицией в 1954 г., а при разведочных раскопках 1956 г. здесь был получен соответствующий археологический материал. Туркменский археолог Хемра Юсупов позднее установил, что укрепление было построено парфянами в I в. до н. э. (судя по керамике из нижнего слоя)¹⁰. Заметим, что этому времени предшествовал разгром раннекангюйской культуры (лучше было бы назвать ее «койкрылганской»), прослеживаемый почти на всех хорезмийских памятниках. Он неизбежно должен был затронуть и оросительные системы, долго создаваемые, но легко гибнущие без организованных усилий населения. С последующим наполнением Узбоя, видимо, и могла быть связана закладка Игды-калы. Представляется полезным напомнить некоторые данные об этом укреплении, пережившем и времена запустения и до трех периодов обживания¹¹. Крепость весьма невелика по своим размерам (40 и 60 м между крепостными стенами) и ее вряд ли можно характеризовать как «мощную»¹² и тем более считать городом¹³. Для сравнения напомним, что рядовое звено в цепи средневековых караван-сараяев на Узбое — развалины Талайхан-ата — так же имели 60-метровый диаметр¹⁴. В целом же утверждение Х. Юсупова, что его материалы якобы опровергают тезисы Толстова об отсутствии постоянного течения по Узбою и оседлого населения там в античное время¹⁵, не представляется многим из нас доказанным.

Обнаруженные им стоянки, склепы и курганы свидетельствуют, на взгляд М. А. Итиной, Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта, лишь о том, что долина Узбоя в древности не была абсолютно безжизненной, как небезжизненна она и сейчас, когда и помину нет о течения воды по сухому руслу. Говоря о той же Игды-кале, Х. Юсупов так определяет ее местоположение: «между современными скотоводческими селениями Мелегоч и Ак-яйла»¹⁶. И таких селений, иногда достаточно крупных (Чагыл), близ колодцев и озер долины Узбоя не так уж мало. Что же касается памятников, трактуемых как святилища (Ичянлыдепе и Гаравулдепе), то вполне закономерно их наличие в скотоводческой зоне, опирающейся на озера, колодцы и водоемы, заполнявшиеся талыми и дождевыми водами. Ведь и на Мангышлаке, где реки никогда не было, были обнаружены святилища (Байте) много более выразительные и грандиозные, чем упомянутые выше. Множество туркменских и казахских мазаров и могил можно увидеть в песках и на возвышенностях вдоль Узбоя. А ведь последнее его обводнение произошло на рубеже XIV и XV вв. после жестоких походов Тимура на Хорезм. По мнению С. П. Толстова, последние достоверные сведения об Узбое как о живой реке относятся именно к этому времени (1392 и 1417 гг.).

На протяжении многих сезонов, начиная с 1952 г., в составе экспедиции работал археолого-топографический отряд, начальником которого был Б. В. Андрианов (1919—1993 гг.). Основной задачей отряда С. П. Толстов ставил изучение древних ирригационных систем, но попутно было открыто также немало памятников другого рода и найден целый ряд предметов, имеющих большую музейную ценность. Археолого-топографические исследования охватывали земли древнего орошения Правобережного Хорезма (около 2 тыс. поисков), Присарыкамышскую дельту на левом берегу Амударьи (около тысячи поисков) и громадную область Сырдарьи. Во многих районах инженер-геодезист Н. И. Игогин провел аэрофотосъемку отдельных оросительных систем, множества развалин и их окрестностей. Все это позволило составить многочисленные планы и карты, а также графическую схему с наиболее типичными оросительными сооружениями для каждого исторического периода¹⁷. Удалось установить, что система ирригации менялась с течением времени. Так, архаическая культура характеризуется созданием крупных оросительных систем, следующих древним протокам и крайне неэкономно расходующих воду. В кангойский («койкрылганкалинский») период протяженность магистральных каналов увеличилась в два-три раза и достигла в Правобережном Хорезме 250—300 км. Головные сооружения многих крупных оросительных систем были перенесены далеко вверх по течению амударьинских русел или даже на основное русло. Магистральные каналы стали проводить по середине такырных междуречий, что резко расширило орошаемую каждым из них зону. Каналы стали рыть вдвое меньшего сечения, чем прежде, но более глубокими. Совершенствовались забор воды и система распределителей, выводимые теперь под острым углом. Площадь, занятая оросительными системами, несколько уменьшалась, но зато увеличивалась площадь посевов.

После упомянутого разгрома хозяйственная жизнь в Хорезмском оазисе полностью восстановилась в первых веках нашей эры. Для этого времени зафиксирована максимальная протяженность магистральных каналов. Перестраивались старые оросительные системы, резко увеличился ассортимент сельскохозяйственных культур. Целый ряд оазисов, орошавшихся в рассматриваемое время, впоследствии был навсегда заброшен. Это позволило иногда детально проследить, как вода поступала из больших каналов в меньшие и, наконец, непосредственно на поля. Более того, как показала Е. Е. Неразик, эти материалы дают возможность судить о системе землепользования¹⁸.

Были выявлены особенности ирригации и для разных этапов средневековья вплоть до своеобразных систем XVI—XVII вв., забиравших воду из Сарыкамышского озера с помощью водоподъемников-чигирей.

Не менее широкий размах получили работы экспедиции в Восточном Приаралье на огромной равнине, сплошь прорезанной сухими руслами древней

сырдарьинской дельты. Комплексные работы отрядов экспедиции (в большинстве случаев возглавляемые Б. В. Андриановым), где сочетались усилия археологов, геоморфологов, почвоведов, географов, использовались данные аэрофотосъемок, позволили выявить характер и историческую динамику древних дельтовых протоков Сырдарьи, как и искусственной гидрографической сети, ареалы земель древнего орошения¹⁹. По договору с Всесоюзным объединением «Союзводпроект» экспедиция провела их изучение и картографирование на огромной территории Южного и Восточного Приаралья в связи с проектом переброски части стока вод сибирских рек в бассейн Арала. Была составлена археолого-геоморфологическая карта низовой Сырдарьи и Амударьи (масштаб 1 : 300 000), получившая медаль ВДНХ СССР. Материалы работ экспедиции имели немалое значение для решения насущных хозяйственных и экологических проблем²⁰.

Абсолютное большинство исследованных сотрудниками экспедиции памятников относится к периоду хорезмской государственности. На рубеже VII и VI вв. до н. э. на одном из русел Сарыкамышской дельты возникает большая крепость, протогород, развалины которого называются Кюзели-гыр — «холм с керамикой». Множество звонких черепков от больших и малых круговых сосудов действительно усеивали поверхность городища²¹.

В 1953 г. на городище Кюзели-гыр и одновременно на развалинах крупнейшей крепости Калалы-гыр-1 начались раскопки. На Кюзели-гыр раскопки с большими перерывами велись затем на протяжении 9 полевых сезонов, последний из которых был в 1982 г. (начальник отряда О. А. Вишневская).

В результате этих раскопок, а также благодаря исследованиям М. Г. Воробьевой (1914—1991) на развалинах большой усадьбы Дингильдже в Правобережном Хорезме могла быть охарактеризована своеобразная и мощная (число размытых поселений исчисляется многими десятками) местная культура. Она была названа «архаической», хотя методически правильнее было бы именовать ее «кюзелигырской».

Большую работу с огромными керамическими коллекциями провела М. Г. Воробьева. В результате стало ясно, что кюзелигырская круговая керамика изготавливалась в традициях южных земледельческих культур, восходящих к эпохе бронзы. Это позволяет некоторым археологам полагать, что Кюзели-гыр был построен персами-завоевателями в период вхождения Хорезма в состав Ахеменидской империи. Однако это плохо согласовывается с датировкой памятника, безусловно, более ранней, чем последняя треть VI в. до н. э. (время завоевания Средней Азии).

Архаическая культура несомненно обогащалась за счет разного рода контактов с передовыми цивилизациями стран, входящих в состав Ахеменидской империи. Очевидно, в это время хорезмийцы восприняли письменность на основе имперского арамейского алфавита. Начальный импульс получили монументальное зодчество и изобразительное искусство, это было прослежено при раскопках недостроенного дворца персидского сатрапа на городище Калалы-гыр I²².

После достижения фактической независимости на рубеже V и IV вв. до н. э. в Хорезме складывается (без резкого разрыва с прежними традициями даже в области керамического производства²³), новая, классическая для него культура, не совсем удачно названная кангюйской. Важнейший памятник, позволивший охарактеризовать ее, — развалины Кой-Крылган-кала — был открыт уже на второй год работ Хорезмской экспедиции. Раскопки здесь с 1952 по 1957 г. вел под руководством С. П. Толстова фактически весь состав экспедиции. Начальниками отрядов были М. Г. Воробьева и Ю. А. Рапопорт, очень многое для осмысления, фиксации и издания этого памятника сделал М. С. Лапиров-Скобло. В 1967 г. вышла коллективная монография, посвященная этому уникальному храму-мавзолею²⁴. Позднее были раскопаны и другие городища и сооружения, относящиеся к IV—II вв. до н. э. Отметим среди них Елхарас, Гяур-3 и Калалы-гыр-2.

На Елхарасе (начальник отряда — Л. М. Левина) раскапывались остатки дворцового комплекса и культового здания, воздвигнутые на рубеже V—IV вв. до н. э. В последнем сохранились древнейшие в Хорезме настенная полихромная роспись

и раскрашенная антропоморфная скульптура из необожженной глины с металлической инкрустацией²⁵. На поселении Гяур-3 (IV—II вв. до н. э.) и на крепости Калалы-гыр-2 исследовались культовые комплексы (начальники отрядов Б. И. Вайнберг и С. М. Коляков). На обоих памятниках были идентичные по планировке и размерам круглые храмы. Уже в первый год раскопок в 1981 г. на Калалы-гыр-2 Б. И. Вайнберг были обнаружены образцы древнейших хорезмийских надписей (хозяйственные надписи на остраках и надписи на хуме, всего более 20 экземпляров). В результате раскопок на крепости Калалы-гыр 2 (с 1985 по 1991 г. работы здесь проводились регулярно) выяснилось, что эта небольшая крепость, представляющая собой в плане четверть круга, является культовым центром IV—II вв. до н. э., внутри которого помимо монументального круглого храма был еще ряд культовых комплексов²⁶. Так как памятник погиб от пожара, сохранился богатый набор археологических находок, среди которых отметим 150 терракотовых изделий, художественно оформленные керамические ритоны, как местного производства, так и импортные, уникальные хорезмийские керамические фляги с рельефами, фрагменты сюжетной живописи (всадник, мужские фигуры и т. д.). Анализ сцен на керамических рельефах (около десятка новых сюжетов) позволяет реконструировать ряд древнехорезмийских мифов, среди них — календарный миф с оленем, миф о Гопадшахе и др. Великолепный комплекс находок с крепости Калалы-гыр-2, превосходящий тот, который был получен на Кой-Крылган-кале, к сожалению, из-за финансовых сложностей до сих пор известен научной общественности лишь фрагментарно. Необходимо сделать все возможное, чтобы и он был достойно опубликован.

В IV—II вв. до н. э. Хорезм жил в условиях наибольшего культурного и экономического подъема. Была расширена и перестроена оросительная сеть. Шло интенсивное строительство поселений, крепостей и городов. В орошаемой зоне в основе почти всех крупных памятников лежат слои этого времени. Посуда кой-кырганского типа отличается очень хорошим качеством и нередко красиво украшена. Широкое распространение получило изобразительное искусство, как «прикладное» (рельефные композиции на сосудах, статуэтки²⁷), так и монументальное — следы настенных росписей и скульптура были обнаружены на Гяур-кале Султануиздагской, на Калалы-гыр-2 и Елхарасе. Во многих местах получены образцы древнехорезмийской письменности, которые благодаря работам В. А. Лившица становятся достоянием лингвистики и исторической науки. Особо следует отметить острак с Калалы-гыр-2, фиксирующий выдачу продовольствия (?) «всем рабам» и двум лицам, названным поименно. Это первое документальное свидетельство о рабовладении в Хорезме и, очевидно, о совместном труде рабов и свободных. Во II в. до н. э. на Хорезм обрушился сокрушительный удар, связанный, очевидно, с широким натиском степных племен, который привел к падению Греко-Бактрийского царства и поставил Парфию на край пропасти. В огне гибнут многие хорезмийские города и усадьбы. Над слоями пожара часто лежат следы длительного запустения. Следует сказать, что на повсеместность следов разгрома раньше других указали археологи Каракалпакии, прошедшие школу Хорезмской экспедиции²⁸. При всем том материалы среднего и верхнего слоев Кой-Крылганкалы свидетельствуют, что культурная традиция не была прервана.

Археологических материалов для суждения о культурной и хозяйственной жизни Хорезма в I в. до н. э. — I в. н. э. недостаточно. Однако установлено, что на рубеже II—I вв. до н. э. начался выпуск хорезмских монет²⁹, а в I в. н. э. было введено летоисчисление в годах «хорезмской эры», просуществовавшее невероятно долго — 8 веков³⁰. Какое событие было ознаменовано таким образом, сказать трудно. Скорее всего, это было воцарение новой династии, возможно, связанное с обретением независимости от мощного присырдарьинского владения Кангуй (сведения о его господстве в Хорезме восходят к I в. до н. э.)³¹.

Не исключено, что обретение независимости было отмечено строительством во II в. н. э. нового города и династического центра, развалины которого — Топраккала были открыты для науки С. П. Толстовым в 1938 г.³² Раскопки были здесь

начаты в 1940 г. и, возобновившись в год окончания войны, продолжались до 1950 г. Их замечательные результаты получили мировую известность и позволили С. П. Толстову превратить Хорезмскую экспедицию в постоянно действующий научный коллектив³³. В результате больших работ во дворце удалось охарактеризовать зодчество и монументальное искусство Хорезма первых веков н. э. Среди находок особую ценность имели документы на коже и дереве — остатки архива, хранившегося во дворце.

В 1965—1975 гг. городские укрепления и кварталы Топрак-калы исследовал отряд Е. Е. Неразик. В процессе работ помимо жилого квартала был обнаружен квартал храмовый. Результатом очень сложных работ в многовековых культурных наслоениях с многократно перестраивавшимися зданиями стала монография, в которой был охарактеризован большой археологический комплекс III—VI вв., выявлены особенности застройки города и структура семей, его заселявших³⁴.

В 1967—1972 гг. были продолжены раскопки Высокого дворца. Итоги работ этих лет, а также более ранних работ 1945—1950 гг. были обобщены в коллективной монографии, увидевшей свет в 1984 г.³⁵ Очень важным ее результатом стала публикация В. А. Лившицем дворцового архива с переводом древнехорезмийских документов и комментарием к нему³⁶. Особо отметим списки воинов, которых приводили с собой для переучета главы больших хорезмийских семей. Значительное преобладание числа рабов в списках не только подтверждает сообщение Трога-Юстина о структуре и принципах формирования парфянского войска (XLI, II, 5—6), но и является очень ценным фактом для характеристики общественного строя Средней Азии кушанского времени.

Последним циклом работ на Топрак-кале явились исследования Загородного комплекса, проведенные в 1976—1985 гг. Ю. А. Рапопортом и В. А. Лоховицем (1925—1994). Полной публикации раскопок дворцовых и храмовых зданий, лежащих севернее крепостных стен, нет, но основные сведения о них можно найти в журнале «Вестник древней истории»³⁷.

Раннесредневековые памятники Хорезма (IV—VIII вв. н. э.) исследовались систематически, хотя преимущественно в небольших масштабах. Уникальная сохранность еще недавно существовавшего Беркут-калинского оазиса протяженностью более 40 км, на территории которого насчитывалось не менее полусотни одновременных усадеб, домов, поселений, позволила изучить его как большой земельный массив в его взаимосвязях, в различных аспектах экономики и культуры населения. Эти работы в течение ряда лет осуществлял отряд под руководством Е. Е. Неразик, обобщившей затем их результаты в своей монографии «Сельские поселения афригидского Хорезма»³⁸. Особенности топографии оазиса легли в основу сделанных С. П. Толстовым еще в предыдущие годы важных выводов о социально-экономической структуре населения как общества с формировавшимися раннефеодальными отношениями. Дальнейшие исследования в Хорезме и Средней Азии подтвердили это заключение, причем большое значение имела разработка типологических схем сельских построек, сделанная на хорезмийских материалах. Работа над этой типологией продолжается, а сама она подвергается корректировке по мере расширения масштабов раскопок археологических памятников Средней Азии рассматриваемой эпохи.

Так, сложившееся ранее впечатление об единообразии укрепленных усадеб и замков с пустыми дворами и более или менее мощной жилой башней-донжоном теперь нарушилось. Оказалось, что постройки (по крайней мере — большинство) представляли собой плотно застроенный массив без пустых дворов, а донжоны сильно варьировали по масштабам и назначению. Поэтому большая усадьба и небольшое поселение сближались, мало отличались типологически, что создавало определенные трудности в их классификации. Однако этнографические материалы, в первую очередь очень сходные с хорезмийскими памятниками афганские «кала», показывают, насколько эти населенные пункты были в социальном плане однородны, будучи населены большими или меньшими семейно-родовыми коллективами. Общее представление о культуре и истории раннесредневе-

кового Хорезма существенно уточнили и расширили исследования, проведенные в 80-х годах Е. Е. Неразик в соседнем Якке-Парсанском оазисе, топография которого оказалась отличной от Беркут-калинского. В его северной части выявляется формирующееся феодальное владение с центром в крупном замке Якке-Парсан. В южной же, отделенной от него большим ненаселенным пространством, находилось несколько небольших, видимо, независимых поселений. В донжоне Якке-Парсана и в помещениях внутри замка сделано множество находок предметов из дерева и кости, остатков хлопчатобумажной одежды и кожаной обуви и т. д. Там же найдены первые (и пока единственные) документы хорезмской раннесредневековой письменности на дереве и коже³⁹. В северной части Якке-Парсанского оазиса раскопан также «Замок № 2», внутри которого открыт храм IV в. в виде купольной постройки со следами жертвенника, стоявшего посредине помещения. Упомянем также чрезвычайно правильно распланированный Безымянный замок (VI—VII вв.), в планировке которого различались уже все элементы, ставшие типичными для позднейших хорезмийских хаули. Небольшая усадьба севернее Безымянного замка, по-видимому, являвшаяся загородной виллой землевладельца-аристократа (может быть — владельца Якке-Парсана?), с большим бассейном посредине и открывавшимся к нему кирпичным айваном, наглядно демонстрирует то обстоятельство, что истоки архитектуры средневековых дворцов также уходят в эпоху раннего средневековья. Но наибольшим открытием явился большой дворец V—VII вв. у подножия крепости Аяз-кала-2 — первый для эпохи раннего средневековья.

В итоге этих исследований появилась возможность разносторонне охарактеризовать раннесредневековый период истории страны, а в ряде направлений далеко выйти за его рамки. Так, подробно исследована история сельского жилища Хорезма, причем установлено, что прототипы некоторых наиболее распространенных народных жилищ современного населения Хорезмского оазиса формировались в эпоху раннего средневековья. Удивительная устойчивость типов жилых построек в этой области на протяжении многих столетий позволила использовать данный материал в качестве источника для реконструкции некоторых общественных институтов и с использованием комплексных методов выявить большую роль агнатических групп в социальной структуре сельского населения⁴⁰.

Новой страницей в истории культуры Хорезма IV—VIII вв. явилось открытие и исследование ряда культовых построек, ранее практически неизвестных. Обнаружены отдельно стоявшие небольшие сельские храмы и комплексы, включенные в городскую застройку или стоявшие внутри «священного участка» города (Топрак-кала), а также домашние святилища. Анализ их архитектуры позволяет определить как общесреднеазиатские черты, так и традиционные местные или жеходящие в переднеазиатскую древность⁴¹.

Нельзя не упомянуть далее, что накопились сведения, освещающие достаточно многосторонне тот «смутный период» IV—V вв. в общесреднеазиатских масштабах, о котором донныне не умолкают споры. И тут большую роль сыграли раскопки верхних слоев городища Топрак-кала и упомянутые работы близ Аяз-калы-2. Наконец, весьма отчетливо выделяется этническое направление в изучении эпохи, причем устанавливаются конкретные направления связей и вклад степного окружения страны в формирование ее раннесредневековой культуры. Разработка данного направления неизбежно затрагивает общие вопросы этногенеза и этнической истории значительно большего региона, чем собственно Хорезм, смыкаясь с этнической историей степей Приаралья — Прикаспия, Приуралья, Сырдарьи.

Домонгольский и более поздний средневековый Хорезм, о котором уже есть сведения в араб- и персидскоязычных средневековых источниках, блестяще разработанные в свое время В. В. Бартольдом, археологически исследован менее прочих эпох. Возможно, тут сказались некоторое увлечение руководителя экспедиции более ранними эпохами или же труднодоступность слоев, в городах зачастую перекрытых позднейшими.

Но так или иначе, этот период истории страны, отличавшийся очень высоким

взлетом экономики и культуры, был первоначально охарактеризован главным образом на основе работ в Кават-калинском оазисе Правобережного Хорезма с учетом данных письменных источников. Однако все та же прекрасная сохранность замков и усадеб с уцелевшими до наших дней гранями призматических башен и резным геометрическим и растительным орнаментом, сплошь покрывавшим плоскости стен, оригинальные загадочные сооружения каптар-хона (парадные приемные?) причудливых очертаний, с многочисленными ячейками, отчетливая планировка жилищ с центральным залом или коридором уже и тогда позволила С. П. Толстову дать довольно детальную характеристику архитектуры и искусства данной эпохи. Топография оазиса и особенности ирригации легли в основу исследования социальной организации общества, во многих аспектах резко отличавшегося от раннесредневекового ⁴².

Дальнейшие исследования средневековых памятников, прежде всего — городов (раскопки Куня-Ургенча ⁴³, Хазараспа ⁴⁴, Шемаха-калы ⁴⁵, Шехерлика ⁴⁶, а также охранные работы на Джегербенте ⁴⁷ и Садваре ⁴⁸), были проведены в большинстве случаев под руководством Н. Н. Вактурской (1914—1985) или при ее участии. Нельзя не сказать также о большом ее вкладе в разработку проблем средневековой археологии в целом.

Полученные материалы, касавшиеся в первую очередь вопросов генезиса средневекового хорезмийского города, помогли, кроме того, наметить несколько разновременных этапов и зон урбанизации на территории страны ⁴⁹, выявив их специфику на фоне общесреднеазиатских процессов.

Благодаря охранным работам, занявшим большое место в исследованиях экспедиции в 70-х годах, появились сведения о караван-сараях Хорезма, стоявших на торговых путях, связывавших страну с более южными областями ⁵⁰. Сопоставление с караван-сараями Устюрта, где также велись экспедиционные работы, и круглыми сооружениями аналогичного назначения на трассе вдоль Узбоя дало богатейшие возможности для выявления нескольких школ в этой отрасли хорезмийского средневекового зодчества.

Во время раскопок и разведок на территории Левобережного Хорезма были открыты многочисленные сельские поселения XII—XIV вв., составлены с помощью дешифровки аэрофотосъемки их подробные планы с указанием площади земельных участков, занятых различными сельскохозяйственными культурами.

Их анализ с привлечением сведений этнографии и письменных источников помогает реконструировать отдельные стороны землепользования и исследовать ряд проблем землевладения указанного периода ⁵¹.

Наряду с вышеперечисленными работами в течение длительного времени Хорезмская экспедиция занималась еще одной большой проблемой, поставленной перед ней, как указывалось выше, С. П. Толстовым: взаимодействием земледельцев и скотоводов на территории Приаралья. Он придавал ее разработке важное значение, учитывая тесное соседство степи и сельскохозяйственных оазисов Хорезма, роль этого взаимодействия в формировании самой хорезмийской цивилизации, ее экономики, в частности в процессах урбанизации, этногенеза населения и т. п. Земледельцы Хорезма и скотоводы пустынных районов образовывали единую экологическую систему. Географическое положение Хорезма в центре пустынной зоны Средней Азии обусловило особые отношения этого оазиса (и государства) с соседями-кочевниками и их объединениями. С. П. Толстов постоянно подчеркивал, что Хорезм был частью сако-массагетского мира Средней Азии, поэтому проблемы взаимоотношений земледельцев Древнего Хорезма с кочевниками постоянно занимали особое место в деятельности экспедиции ⁵². Для истории собственно Хорезма весьма существенным явилось изучение памятников, оставленных разными группами скотоводов непосредственно в самом оазисе. Большое количество разновременных памятников было выявлено систематическими исследованиями в Левобережном Хорезме в Приаральской дельте Амударьи, проводившимися с широким применением аэрофотоматериалов. Наиболее древние памятники скотоводов относятся к VII в. до н. э., когда началось обвод-

нение основных русел Присарыкамышской дельты. Исследовались поселение Куюсай-2 (начальник отряда Б. И. Вайнберг) и могильники Тумек-кичиджик, Тарым-кая, Сакар-чага и др. (начальники отряда Б. И. Вайнберг, Л. Т. Яблонский), которые дали представление о культуре, палеоантропологии и контактах весьма пестрой по составу группы скотоводов, в которую вошли как оседлые, так и кочевые группы населения. На базе археологических памятников, оставленных ими, была выделена куюсайская культура⁵³, включающая ряд хронологических этапов. В VI—V вв. до н. э. происходило тесное ее взаимодействие с архаической культурой земледельцев и оседлых скотоводов древнего Хорезма, что наиболее ярко проявилось в материалах раскопок Кюзели-гыра. На рубеже IV—III вв. до н. э. в Хорезме появляется новая группа кочевого населения, для которого были характерны подбойные и катакомбные погребения, например, могильник Туз-гыр (начальник отряда В. А. Лоховиц). Присутствие кочевников в оазисе и тесное взаимодействие с земледельческим населением фиксируется вплоть до V в. н. э., когда прекращается обводнение этого региона.

Работами экспедиции была воссоздана в крупных штрихах история взаимодействия земледельцев и скотоводов, прежде всего в Левобережном Хорезме, где установились своеобразные формы контактов, экономических, культурных, этногенетических, менявшихся в зависимости от политической ситуации, миграции населения, изменения природных условий⁵⁴.

Хорезмская экспедиция в содружестве с туркменскими археологами (в частности, с Х. Юсуповым) продолжила исследование памятников на Узбойском плато и вдоль древнего русла Узбоя, когда были проведены раскопки крепости Игды-кала (II—I вв. до н. э.— IV в. н. э.) и выявлено несколько сотен каменных склепов, содержащих от десяти до тридцати разновременных погребений (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) и два культовых центра — на Узбое и в горах Большие Балханы (VII в. до н. э.— II в. н. э.).

В Левобережном Хорезме в ходе исследования разновременных курганных могильников в 70—80-х годах были получены новые материалы и по местному погребальному обряду. Курганные захоронения в сосудах, используемых в качестве оссуариев, практиковались здесь уже не позже начала IV в. до н. э., но они содержали полный набор костей скелета, очищенных явно не по каноническому зороастрийскому образцу. Подобная традиция у скотоводов сохраняется практически до IV в. н. э., а земледельческое население, вероятно, во II—I вв. до н. э. (но не позднее начала н. э.) переходит к традиционному зороастрийскому обряду труповыставления с последующим захоронением только части сохранившихся костей в оссуариях⁵⁵.

С 1946 г. параллельно с работами в Хорезме проводились комплексные археолого-геоморфологические работы по изучению обширной древней дельты Сырдарьи. К сожалению, они не завершились обобщающей публикацией (хотя и подготовленной). В сырдарьинской дельте исследования охватили памятники от неолита (например, стоянки Космола, Талас, Жалпак и многие др.) и бронзового века (стоянки Космола-7, Егискоқ, Тас-1—3, Кок-Сенгир и т. п.) до каракалпакских и казахских поселений и мазаров XVII—XVIII вв. (например, поселения Оралбай-кала, Хатын-кала, мазар Шатпай). Особо надо отметить изучение кирпичных мазаров позднебронзового века могильника Северный Тагискен (начальник отряда М. А. Итина). Большинство из исследованных в сырдарьинской дельте 660 памятников относится к периоду I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. В VII—V вв. до н. э. в южной части дельты в бассейне древних сырдарьинских протоков обитали сакские племена, оставившие нам свыше 60 поселений и стоянок, несколько могильников (в том числе широко известные некрополи Уйгарак и Тагискен) и своеобразные «шлаковые» курганы⁵⁶. Позднее здесь же на основе культуры местных саков, а также под сильным влиянием культуры некоторых южных среднеазиатских земледельческих оазисов сложилась чирикрабатская культура (рубеж V—IV вв. до н. э.— II в. до н. э.). Ее характеризует около двух сотен крупных неукрепленных сельских поселений, шесть городищ и крепостей,

развитая ирригационная сеть, более сорока кирпичных наземных мавзолеев, курганные погребения, а также монументальная архитектура⁵⁷.

В северных районах сырдарьинской дельты в бассейне древних протоков Сырдарьи, Кувандарьи и Пра-Кувандарьи (Эскидарьялык) изучались мощные хорошо укрепленные городища и курганные могильники джетыясарской культуры (VIII—VII вв. до н. э.— IX в. н. э.), носители которой сыграли весьма значительную роль в этногенезе многих современных евразийских народов (начальник отрядов Л. М. Левина)⁵⁸.

Немалое место в работах Хорезмской экспедиции в дельтовых сырдарьинских районах уделялось исследованиям памятников с IX по XVI вв. Работы проводились на десятках разновеликих разновременных укрепленных городищ — «зимовках» скотоводческих племен (огузов, печенегов, возможно, кимаков, кипчаков и др.) в восточной части дельты (например, на Сарлы-кале, Зангар-кале, Дженте, Асанасе, Уйгараке) и на поселениях «колонистов» — хорезмийцев в западных районах (например, на Ащинансай-кале, Майнаркане)⁵⁹.

Археологические исследования на всей широкой территории Приаралья, включая низовья Сырдарьи, значительно расширили историческую картину, позволив перейти от характеристики отдельных культур и проблем к более широким обобщениям. Далекое не последнюю роль в этом процессе играл тот комплексный подход к исследованиям, о котором неоднократно упоминалось выше, в частности, использование теории о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, привлечение данных почвоведения, экономической географии, этнографии и т. п. На этом основании намечены хозяйственно-культурные различия между отдельными группами кочевников, показано, как складывалось взаимодействие не только двух основных хозяйственно-культурных типов (земледельцев, применявших искусственное орошение, и скотоводов-кочевников), но и целого ряда промежуточных форм, сделаны интересные попытки установить роль экологических факторов в формировании этнических территорий, выявить модели взаимодействия скотоводов и земледельцев в Приаралье⁶⁰. Трактовка на этом фоне и в свете данных письменных источников археологических комплексов и археологических культур может явиться основой для этногенетических построений. Следовательно, исследование данной проблемы неразрывно связано с разработкой этнической истории населения Приаралья. Во многих публикациях сотрудников экспедиции освещены этническая ситуация в Приаралье в IV—VIII вв., этноформирующие и этнодифференцирующие факторы в этногенезе населения данного периода, роль экологии в этногенетических процессах Приаралья и многие другие сюжеты. Среди них следует особо отметить подготавливаемую Б. И. Вайнберг монографию «Этногеография Приаралья в древности» и серию ее статей о контактах земледельцев и скотоводов в Приаралье. Сотрудники сектора приняли участие в ряде совещаний по данной проблематике, в частности, Всесоюзной научной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (1988 г.), совещании «Проблемы взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций» (1989 г.) и др.

Сказанное выше, разумеется, не может исчерпать всего многообразия экспедиционных исследований и опубликованных работ научного коллектива, созданного С. П. Толстовым.

Выше вскользь было упомянуто об охранных работах, в которых принимали участие все сотрудники экспедиции. Как правило, эти работы в значительной своей части финансировались строительными и хозяйственными организациями, как союзными, так и местными.

Особенно следует упомянуть об участии Хорезмской экспедиции в проектах, направленных на предотвращение Аральского кризиса. По заказу «Союзводпроекта» экспедицией была выполнена археолого-геоморфологическая карта низовий Сырдарьи и Амударьи — зоны действия канала, который должен был оросить богатые земельные массы и подпитать усыхающее море. Наши картографические материалы на практике использовались при освоении пустынных

районов Каракалпакии, при проектировании новых оросительных систем, включавших в себя нередко древние русла и каналы.

Благодаря охранным работам были спасены и изучены многие исторические памятники. В ходе этой деятельности экспедиция создала ряд небольших местных музеев, сыгравших свою роль в просвещении сельского населения. Коллекциями экспедиции были пополнены фонды уже существовавших больших музеев в Нукусе, Хиве, Ташкенте, Ашхабаде, Самарканде, Кзыл-Орде, Алма-Ате и других городах.

Труды Хорезмской экспедиции, как отмечалось на многих научных форумах, составили целую библиотеку. Действительно, к настоящему времени выпущено 16 томов «Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», 9 выпусков ее «Материалов», 18 тематических сборников и т. д.

Назовем также вышеупомянутые монографии Б. И. Вайнберг, по нумизматике древнего Хорезма⁶¹; Л. М. Левиной об этнокультурных процессах в Восточном Приаралье⁶²; Е. Е. Неразик, исследовавшей вопросы развития городов, поселений, жилища, а также историю хорезмской семьи⁶³; Р. Л. Садокова (1929—1984) о музыкальной культуре народов Средней Азии⁶⁴; Ю. А. Рапопорта по истории религии⁶⁵ и др.

Важно отметить, что сотрудники сектора участвовали в написании обобщающих трудов по истории нашей страны и государств Средней Азии. М. А. Итина, Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт подготовили главы для нового издания «Истории Узбекистана», Б. И. Вайнберг — «Истории Туркменистана»; Н. Н. Вактурская, М. А. Итина и Е. Е. Неразик — авторы глав «Очерков истории Каракалпакской АССР»; Е. Е. Неразик — главы для «Очерков истории СССР» и «Истории Таджикистана».

Во многих зарубежных журналах и сборниках напечатаны статьи наших сотрудников. Отметим их участие в таких авторитетных изданиях, отражающих современное состояние науки, как *Encyclopaedia Iranica* (изд. Колумбийского университета) и *History of civilizations of Central Asia* (изд. ЮНЕСКО)⁶⁶. Знаком высокой оценки исследований Хорезмской экспедиции в Средней Азии явились медали ЮНЕСКО, которыми были награждены в 1991 г. Л. М. Левина и Е. Е. Неразик.

Наш, увы, сильно поредевший коллектив подошел к своему юбилею, совпадающему с 90-летием со дня рождения С. П. Толстова, сохраняя научный импульс, данный этим выдающимся ученым, и огромный накопленный опыт. Хочется думать, что свет увидит еще не один научный труд Хорезмской экспедиции.

Примечания

¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 19—20.

² Жданко Т. А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.

³ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

⁴ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее — ТХАЭЭ). Т. XIII. М., 1981.

⁵ Виноградов А. В. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении // Археологические открытия (далее — АО) 1974 г. М., 1975. С. 520—521; Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении // АО 1972 г. М., 1973.

⁶ Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья // ТХАЭЭ. Т. X. М., 1977.

⁷ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31—37.

⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 43—56.

⁹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957; Толстов С. П., Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме // Краткие сообщения Института этнографии (далее — КСИЭ). 1957. Вып. 26; Кесь А. С. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии // КСИЭ. 1958. Вып. 30; Низовья Аму-Дарья, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения // Материалы Хорезмской экспедиции (далее — МХЭ). Вып. 3. М., 1960; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта.

- ¹⁰ Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1968. С. 154—178.
- ¹¹ Там же. С. 156.
- ¹² Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии. Краткий обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена//Вестник древней истории (далее — ВДИ). 1994. № 4. С. 203.
- ¹³ Ср. Юсупов Х. Указ. раб. С. 178.
- ¹⁴ Вишневецкая О. А. Раскопки караван-сараяв Ак-яйла и Талайхан-ата//ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 443.
- ¹⁵ Юсупов Х. Указ. раб. С. 142, 181; *его же*. Древние скотоводы Северо-Западного Туркменистана. Доклад на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1991. С. 6.
- ¹⁶ Юсупов Х. Древности Узбоя. С. 154.
- ¹⁷ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья.
- ¹⁸ Неразик Е. Е. Материалы по землепользованию и землевладению в Хорезме первых веков н. э.//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- ¹⁹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья; Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения//Сов. этнография (далее — СЭ). 1974. № 5.
- ²⁰ См. сб. Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991.
- ²¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 109—117; Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скоб-ло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г.//МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 141—156; Рапопорт Ю. А. Святылище во дворце на городище Калалы-гыр-1//Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 140—148.
- ²² Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода//ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959. С. 76—78; *ее же*. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973. С. 133, 206, 207; Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.//МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 175—182, 198.
- ²³ Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии//ВДИ. 1939. № 3. С. 180, 181. Рис. 6.
- ²⁴ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма в IV в. до н. э.— IV в. н. э.//ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
- ²⁵ Левина Л. М. Елхарас//Древности Южного Хорезма. М., 1991. С. 80—154 (ТХАЭЭ, Т. XVI).
- ²⁶ Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-80-х годах//Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). М., 1991. С. 26—38.
- ²⁷ Воробьева М. Г. Ранние терракоты древнего Хорезма//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 135—146; *ее же*. Хорезмийские терракоты//Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 184—194.
- ²⁸ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964. С. 23—25; Гудкова А. В., Манылов Ю. П. Хорезм и его северные соседи в раннеантичное время//Всесоюзное научное совещание «Англичная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979. С. 38—41.
- ²⁹ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 49 и сл.
- ³⁰ Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и зры древнего Хорезма//Палестинский сборник. Вып. 21(84). М., 1970. С. 164, 165.
- ³¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 172, 186.
- ³² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 164—190.
- ³³ Стоит заметить, что на карте, изданной в 1894 г., развалины, ставшие знаменитыми, названы по-иному — Тамаль-кала. Тамаль — «основание», «фундамент» (Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-таджикских наречий. Т. I. СПб., 1869. С. 377).
- ³⁴ Городище Топрак-кала//ТХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.
- ³⁵ Топрак-кала. Дворец//ТХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984.
- ³⁶ Лившиц В. А. Документы//ТХАЭЭ. Т. XIV. С. 251—286.
- ³⁷ Ковалева Н. А., Рапопорт Ю. А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма//ВДИ. 1991. № 2; Рапопорт Ю. А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы//Там же. 1993. № 4.
- ³⁸ Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- ³⁹ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана//МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
- ⁴⁰ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Археолого-этнографические очерки. М., 1976.
- ⁴¹ Городище Топрак-кала.
- ⁴² Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 156—170; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 277—285; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 258—261.
- ⁴³ Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г.//ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
- ⁴⁴ Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические раскопки в Хазараспе в 1958—1960 гг.//МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- ⁴⁵ Вактурская Н. Н. О раскопках в 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР//ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.

- ⁴⁶ *Вактурская Н. Н.* О средневековых городах Хорезма // МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
- ⁴⁷ *Вишневская О. А.* Раскопки городища Джегирбент // АО 1974 г. М., 1975; *ее же.* Раскопки Джигербента // АО 1975 г. М., 1975.
- ⁴⁸ *Вактурская Н. Н.* Раскопки средневекового города Садвар // АО 1973 г. М., 1974; *ее же.* Раскопки на городище Садвар // АО 1974 г. М., 1975; *ее же.* Новые данные о городище Садвар // АО 1975 г. М., 1976; *Армарчук Е. А.* Садвар — город на юге Хорезма. Автореферат ... канд. ист. наук. М., 1992.
- ⁴⁹ *Неразик Е. Е.* К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма.
- ⁵⁰ *Лоховиц В. А.* Раскопки караван-сарая на пути из Хорезма в Бухару // АО 1974 г. М., 1975; *его же.* Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- ⁵¹ *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме... С. 88—157, 224—234.
- ⁵² *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 20—27, 202 и сл., 211 и сл.; *его же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 37—62, 91 и сл.; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 77 и сл., 96 и сл., 136 и сл., 273 и сл.
- ⁵³ *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. XI). М., 1979. С. 7—79; *ее же.* Памятники куюсайской культуры // Археология СССР. Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992; *ее же.* Куюсайская культура в Присарыкамышской дельте Амударьи // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 6. Л., 1975; *Яблонский Л. Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1996.
- ⁵⁴ Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. 1. М., 1991; Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. 2. М., 1992.
- ⁵⁵ *Вайнберг Б. И.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х — 80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. 1. М., 1991.
- ⁵⁶ *Толстов С. П.* Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. 1961. № 4. С. 114—145; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 136—204; *его же.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1963. № 2. С. 22—45; *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // Сов. археология. 1966. № 2. С. 151—175; *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 197—208; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. Т. VIII. М., 1973; *Левина Л. М.* Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ. Т. XI).
- ⁵⁷ *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М., 1993; *их же.* Чирикратская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- ⁵⁸ *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971 (ТХАЭЭ Т. VII); *ее же.* Могильник Алтынасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. М., 1994; *ее же.* Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. М., 1996.
- ⁵⁹ *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта.
- ⁶⁰ *Вайнберг Б. И.* Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987; *ее же.* Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990.
- ⁶¹ *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
- ⁶² *Левина Л. М.* Этнокультурные процессы в Восточном Приаралье. М., 1996.
- ⁶³ *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. М., 1976.
- ⁶⁴ *Садиков Р. Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.
- ⁶⁵ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- ⁶⁶ *Rapoport Yu. A.* Chorasmia. Archeology and Pre-Islamic History // Encyclopedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. Center of Iranian Studies. Columbia University. N. Y., 1991. V. V. Fasc. 5. P. 511—516; *Nerazik E. E.* Chorasmia: AD 250 to 750 // History of Civilizations of Central Asia. V. III — The crossroads of Civilizations. Unesco Publishing, 1996.

On the 60-years anniversary of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition

In 1937 a prominent Soviet scholar S. P. Tolstov organized an archaeological expedition to the lower Amu Darya river region. With years it transformed into a permanent archaeological and ethnographic expedition which covered vast territories of ancient and middle ages Khorezm. The article reflects the major results of the field works for the period of some 60 years.

*M. A. Ityna, L. M. Levina,
E. E. Nerazick, Yu. A. Rapoport*